Левый Поворот

«Рабочий класс либо революционен, либо он ничто». К. Маркс.

МАРКСИСТСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ №23 май 2016 г.

ПОПОЛНЕНИЕ

«ВАРВАРЫ»-21

В школе нам говорили о том, что одной из главных причин гибели Римской империи было переселение в Европу пришедших с востока племен - «варваров». Разложившееся рабовладельческое государство не смогло оказать им должного сопротивления, хотя ранее покорило многие народы. Сегодняшний глобальный капитализм разложился не меньше тогдашнего рабовладения и тут же не замедлили появиться современные варвары…

Самое яркое проявление варварства XXI века - исламский фундаментализм с его стремлением возродить средневековые дикости и разрушить наследие иных культур, как это произошло в сирийской Пальмире, а ранее в Афганистане с буддийскими статуями. Но исламисты - лишь часть проблемы. Вторая ее часть и не менее значимая - те, кто бегут с захваченных исламистами территорий в Европу. Переселение в благополучную Западную и Центральную Европу выходцев из Африки и Азии, разумеется, началось давным-давно. Но именно в последние месяцы оно достигло небывалого масштаба.

За варварством XXI века, по большему счету, стоит общий кризис глобального капитализма. Чтобы продлить свое существование, капитал идет на передел рынков сбыта, источников сырья и вообще сфер влияния. А за этим неизбежно следуют войны, политическая и социальная нестабильность, распространение реакционных учений вроде исламизма. Пока все это происходит еще за пределами основных центров капитализма. Но порожденный войнами и нестабильностью поток беженцев, а с недавних пор и боевые акции исламистов дестабилизируют ситуацию уже непосредственно в одном из капиталистических центров - в Европе. Причем, если теракты реально имеют лишь психологическое значение, то поток беженцев всерьез меняет лицо Европы.

Сотни тысяч беженцев из стран, где идут войны - Сирии, Ирака, Афганистана и Ливии, плюс тысячи «примазавшихся» из других стран наносят тяжелейший удар по социальной системе Евросоюза, обостряют трения между европейскими странами, вызывают там рост криминала и национализма. Два последних явления тесно связаны. Переселенцы - люди, вырванные из привычной обстановки, часто деморализованные пережитым, лишенные гарантированного дохода и потому, склонные опускаться в люмпенско-криминальную среду. Это особенно характерно для молодежи, которая не имеет жизненного опыта, трудовых традиций, но наслышана о «красивой жизни» в Европе. Всплеск же национализма среди европейцев обусловлен как ростом «миграционного» криминала, так и неизбежным с прибытием новых рабочих рук обострением конкуренции на рынке труда. Ведь, как минимум, значительная часть переселенцев все же будет работать, а не бандитствовать, попрошайничать или жить только на пособия. Тем более что многие переселенцы хорошо знакомы с наемным трудом. Скажем, Сирия и Ливия - еще недавно это были страны с развитой промышленностью и сферой услуг. Сельским хозяйством там занималось меньшинство населения. Недалеко ушел от них Ирак. А вот почти на 80% крестьянский Афганистан - дело, конечно, иное. Впрочем, это лишь немного меняет общую картину.

На проблемы переселенцев и начавшийся рост национализма не могли не прореагировать европейские левые и профсоюзы. Прореагировали они по-разному. К примеру, в Дании профсоюзы, как и националисты, не в восторге от притока новых рабочих рук. А вот в главной принимающей переселенцев стране - Германии лидеры национальной конфедерации профсоюзов (DGB) считают, что «свежая кровь» просто необходима стареющей германской нации. Именно на новые рабочие руки они возлагают надежду на укрепление национальной экономики и наполнение местного Пенсионного фонда.

Европейские левые по традиции выступили за прием переселенцев. Правда, левые уже знают, что сладить с новыми согражданами будет непросто. Выходцы из Азии и Африки, которые ранее переселились в Европу, как правило, не спешат вступать в профсоюзы, участвовать в рабочем движении и подключаться к левым инициативам. Они создают довольно замкнутые национально-религиозные общины, враждебно настроенные к коренным жителям и местным традициям. Судя по всему, новая волна переселенцев в этом плане мало будет отличаться от предыдущих…

И все же левым есть смысл работать с переселенцами, по крайней мере, с теми, кто впитал традиции наемного труда - работы в относительно крупных трудовых коллективах. Вести диалог с переселенцами можно было бы опираясь на коммунарско-кооперативные и т.п. проекты. К примеру, на давно существующую в Европе систему хозяйственных инициатив левых «Лонго Мэй». Переселенцы получали бы помощь в трудоустройстве, социальной адаптации, обретали бы жилье. Все это, разумеется, с прицелом на то, чтобы поставить «новеньких» в ряды интернационального левого движения. Таким образом, левые всерьез привязали бы к себе часть переселенцев и сами сделали бы новые шаги на пути от чисто политических структур к социально-политическим. А такие структуры исторически более устойчивы и влиятельны, так как есть люди, материально заинтересованные в их существовании. Словом, «варвары» XXI века, как и их предшественники времен Римской империи, могли бы участвовать в создании нового общества. Только, разумеется, уже не феодального, а коммунистического.

ОТНЯТЬ, ПОТОМ СЛОЖИТЬ

Недалеко от французского города Марсель прошла международная встреча представителей захваченных работниками предприятий. Форум проходил на занятой рабочими чайной фабрике Fralib. Делегаты от трудовых коллективов говорили о трудностях, с которыми сталкиваются и о том, как их преодолеть. Было подчеркнуто, что захваченные предприятия должны быть чем-то большим, чем просто завод или фабрика.

На форум прибыло около 200 человек из десятка европейских стран. Помимо представителей трудовых коллективов и кооперативных объединений, во встрече участвовали ученые, левые активисты, члены радикальных профсоюзов.

Самыми распространенными проблемами захваченных предприятий были названы репрессии со стороны государства, всевозможные бюрократические препоны, противодействие бывших хозяев, политиков и желтых профсоюзов. Было отмечено, что часто работникам приходится налаживать выпуск новых товаров, так как прежняя продукция не находит покупателя. Это требует изобретательности и определенной коммерческой хватки. С другой стороны, говорилось о том, что захваченные предприятия не должны превращаться в «нормальные» капиталистические фирмы с наемным трудом. Это должны быть очаги рабочего самоуправления на производстве и различных альтернативистских инициатив в общественной жизни.

Важным достижением форума стало налаживание хозяйственных и общественно-политических связей между захваченными, кооперативными и прочими аналогичными предприятиями. Решено создать общий финансовый фонд, который снизит их зависимость от капиталистических банков. В целом, поставлена задача соединить структуры «рабочей экономики» в общеевропейскую сеть. В ней главными ценностями должны быть не прибыль и подавление конкурентов, а товарищество и взаимопомощь. Так предприятиям легче будет выжить в условиях враждебного окружения.

«Рабочая экономика» существует давно. Ее структуры нередко гибнут под натиском окружающего капитализма. Но их неприходящее значение в том, что они появляются вновь и вновь. Классово-активная часть пролетариата постоянно поднимает вопрос об исторической ограниченности наемного труда и продолжает самостоятельно прокладывать путь к новым человеческим отношениям.

УКРАИНЦЫ - «ПОЗДНЯЯ» НАЦИЯ

Насильственная смена власти в Киеве в 2014 году, последовавшие затем вхождение Крыма в состав России; сожжение неофашистами противников Майдана в Доме профсоюзов в Одессе; война в Донбассе - все эти события привлекли к себе больше внимания российской общественности, чем многие иные национально-политические конфликты на территории бывшего СССР. Сказался масштаб событий и их огромное влияние на ситуацию в России. Так с чем же мы имеем дело, и ставят ли украинские события перед марксистами России и Украины новые задачи?

«Що ж сталося?»

Прежде всего, нужно классифицировать то, что происходит на Украине. А так как события во многом вращаются вокруг национального вопроса, следует выяснить, что марксисты понимают под словом «нация».

Марксистское определение нации еще в 1913 году дал И. Сталин в брошюре «Марксизм и национальный вопрос». (Нужно заметить, что среди части левых не принято ссылаться на Сталина, ведь в историю он вошел не столько как революционер-коммунист, сколько как диктатор-государственник. Но заметить нужно и то, что отрицать всё написанное Сталиным-подпольщиком из-за действий Сталина-диктатора весьма наивно. Тем более что данное определение из сталинской брошюры тогда не вызвало у марксистов принципиальных возражений.)

Итак, по Сталину, «Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры». Здесь следует подчеркнуть, что нация - явление, по сути, буржуазное, так как общая «экономическая жизнь» подразумевает более-менее сложившийся единый рынок, а значит, и относительно развитые товарно-денежные отношения.

Рассмотрев в контексте сказанного Украину, мы обнаружим там наличие двух крупных наций - условно говоря, украиноязычной и русскоязычной. На юге и юго-востоке страны в быту преобладает русский язык. К примеру, в Крыму, до начала известных событий, русскоязычных (русских, обрусевших украинцев и т.д.) было более 80%, в Донецкой области - около 70%, в Луганской - почти 65%. На западе же Украины и во многих районах севера и центра страны говорят по-украински. Это уже два признака отдельных наций - язык и территория.

На западе страны значительная часть промышленности - это мелкие и средние предприятия, производящие продукты питания и прочие предметы потребления, ведущие заготовку древесины. А вот на востоке больше доля крупных заводов, создающих средства производства. Здесь же расположен Донецкий угольный бассейн с множеством шахт. Достаточно отметить, что до вооружённого конфликта на юго-востоке Украины на одну Донецкую область приходилось 20% всего промышленного производства страны. А в Луганской области находилось почти десятая часть крупнейших предприятий Украины. На западе и востоке страны мы, конечно, имеем дело с капиталистическими укладами, но и капитализм бывает разным…

Трудно не заметить и различия в «психическом складе» жителей западных областей и тех же Донбасса с Крымом.

Итак, формирование в постсоветской Украине двух крупных наций, одна из которых - украиноязычная - была определена в качестве «титульного этноса», а вторая - русскоязычная, тяготела к России, и предопределило трагическое развитие событий. Возникшее противостояние двух наций есть следствие воинствующего национализма, который особенно свойствен нациям, складывающимся много позднее, чем их соседи. Сказалась, разумеется, и характерная для любого капитализма конкуренция. Буржуазные отношения развились на Украине, ещё когда она находилась в составе Российской империи-СССР. А вот такой важный атрибут буржуазной нации, как самостоятельное государство, появился там лишь в конце XX-го века.

(продолжение на стр. 2)

ПРОЛЕТАРСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В феврале этого года в Донецке прошла учредительная конференция Рабочей партии Донбасса. Новая организация поставила перед собой, без преувеличения, коммунистические задачи.

ДОНБАСС: СОЗДАНА РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

В работе конференции участвовало около 20 человек, в том числе, представители уже существующих на Донбассе левых структур. Делегаты поддержали отделение Донбасса от Украины, хотя не испытывают особой симпатии к властям ДНР и ЛНР. Было выражено недоверие и «старым» левым - КПУ и СПУ. На конференции сформировали группу, которая будет работать над программными документами РПД и планом конкретных действий на ближайшие месяцы. Пока же в официальных документах организации говорится (*сохранена стилистика оригинала - **ред. ЛП***): «В условиях снижения градуса классового противостояния РПД считает крайне необходимым создание рабочих корпораций. То есть, взаимосвязанные сети профсоюзов, совместное управление коллективными предприятиями и рабочей потребкооперацией. Где рабочая корпорация - это синтез четырех, ранее бывших разрозненными форм и потоков: кооператива, коммуны, профсоюза и политической организации».

Марксистская рабочая партия уже установила связь с РПД, чтобы выразить товарищам солидарность и наладить взаимодействие. Кстати, МРП охотно сделала бы это и в отношении новой левой организации на Украине, если бы таковая возникла…

Пока РПД - фактически, только проект. На постсоветском пространстве возникло уже много левых партий и групп, которые так и не развились во что-либо серьезное. Но что остается марксистам, как не вновь и вновь браться за создание структур, имеющих целью организовать пролетариат в "класс для себя" - класс, способный вывести мир глобального капитализма к глобальному коммунизму?..

P. S. *РПД уже открыла счет потерям: от взрыва гранаты, брошенной в окно квартиры одного из ее лидеров, погиб активист партии.*

УКРАИНЦЫ - «ПОЗДНЯЯ» НАЦИЯ

(окончание. начало на стр. 1)

Словом, стремление вновь возникших частных собственников сделать государство и законодательство полностью украинскими, чтобы консолидировать всё население Украины, включая русскоязычных граждан, в украинскую буржуазную нацию, - это эксплуататорское стремление, усугубленное переделом украинского рынка между Россией и ЕС, стало важнейшей причиной «оранжевых» событий 2004 года, Майдана 2013-14 годов и последовавшего за ним вооруженного конфликта на Донбассе. В результате место президента В. Януковича и Партии Регионов заняли не менее наглые чиновники, напрямую связанные с крупными прозападными капиталистами. Как отмечал ещё К. Маркс, «политическая душа революции состоит в стремлении классов, не имеющих политического влияния, уничтожить свою изолированность от государства и от господства».

Все эти события можно считать этапами политической национальной революции - переворота в области надстройки при неизменном капиталистическом базисе. В конечном счете, они работали на завершение формирования украинской буржуазной нации на «укромовной» основе. Идеологией же любой национальной политической революции, - естественно, буржуазной по классовой сути, - всегда является какая-либо версия национализма. Распространение подобных идеологий мы и наблюдаем на Украине и в противостоящих ей Крыму и Донбассе, только, разумеется, разной масти. Политически активные украиноязычные вполне логично стали неопетлюровцами и необандеровцами, а многие русскоязычные в Крыму, Донбассе и в других юго-восточных территориях примкнули к «русскому миру» имперского - неоденикинского толка.

Как уже отмечалось, наряду с национальным, другим фактором, вызвавшим противостояние, стала капиталистическая конкуренция. В данном случае у нее несколько направлений. Во-первых, между украиноязычной и русскоязычной буржуазией внутри Украины. Во-вторых. После 1991 года Россия стала главным экономическим партнером Украины, особенно ее восточных «крупнопромышленных» областей. До конфликта на долю России приходилось примерно 20% как украинского экспорта, так и импорта. Российский капитал - через «газовую трубу» и в ее интересах - всеми путями стремился расширить свое влияние и пришел в столкновение с местным капиталом. Конечно, украинский капитал, взятый в целом, неизбежно конкурирует и с европейским, но пока готов терпеть это, так как видит в нем союзника против капитала российского. Наконец, на обстановку влияет и нарастающее соперничество двух империализмов - глобального англо-американского и регионального российского.

Конкуренция проявилась еще по одному направлению. В появлении Майдана свою роль сыграло недовольство мелкой и средней буржуазии всевластием и вымогательством чиновников. Их захотели хотя бы частично оттеснить от изъятия прибавочной стоимости - поставить в один ряд с европейскими чиновниками, которые не имеют такого влияния на распределение совокупной прибыли. Борьба по этому направлению составила, так сказать, «демократическую» часть требований Майдана.

Рабочий класс Украины, в особенности промышленный пролетариат, не принял заметного участия в событиях «революции достоинства». Пролетарии понимали и понимают, что при новой власти их будут по-прежнему эксплуатировать, однако, дезорганизация экономики может привести к тому, что либо их реальные зарплаты упадут, либо они вообще могут лишиться работы. С другой стороны, чтобы неделями «майданить», пролетарию пришлось бы бросить работу, то есть потерять единственный источник существования. А вот мелким предпринимателям, бюджетникам и пенсионерам такое не грозит. Особый вопрос - деклассированные маргиналы: они рассчитывали социально «приподняться» в результате беспорядков. Политический революционаризм увлекает и плохо образованную, классово неопределившуюся и безработную молодёжь, легко поддающуюся примитивной националистической демагогии.

Подведем итог: на Украине имеет место финальный этап формирования украиноязычной буржуазной нации, неизбежно сопровождающийся размежеванием между украиноязычными и русскоязычными. Причём русскоязычным препятствуют политически оформиться в отдельную буржуазную нацию на украинской территории. В Западной Европе и России аналогичные процессы уже в прошлом, хотя и там остаются национальные «болевые точки». Украинцы же в этом плане «припозднились» - им приходится конкурировать с уже вполне сложившимися у соседей буржуазными нациями. Этим и обусловлена необходимость быстро подн-

нять собственную буржуазно-национальную консолидацию на сопоставимо высокий уровень. Отсюда и явные элементы фашизма как в украинском, так и в русском национализмах на Украине. Под фашизмом же тут понимается политика, направленная на государственную консолидацию буржуазной нации на определённой этнически-культурной основе, осуществляемая насильственными, часто террористическими методами при массовой опоре на радикально настроенные мелкобуржуазные слои. Причем, чем позже в эпоху всемирного капитализма складывается буржуазная нация, тем больше вероятность того, что, вступив в конкурентную борьбу с другими нациями, она пройдёт стадию именно фашистской консолидации...

Что же левые?

С большим сожалением приходится констатировать, что марксисты и прочие левые на Украине оказались либо вообще «вне игры», либо же «фигурами на чужом поле». Иные даже съехали на позиции «левого» фланга националистического Майдана с его про-НАТОвской ориентацией. Другие же, напротив, заговорили о «тысячелетнем православном единстве» с путинской Россией, заодно вздыхая о советском прошлом обеих стран. А ведь любое массовое национальное движение неизбежно обостряет и социально-классовые отношения. Именно поэтому левые силы, если они достаточно сильны и являются подлинными интернационалистами, могут в период национально-политических кризисов мобилизовать наёмных тружеников на решение уже их собственно-классовых задач.

Правда, Украина - не исключение. Во время многочисленных межнациональных конфликтов и политических революций на территории бывшего СССР левые силы нигде себя существенно не проявили. Даже в Приднестровье, где власть поначалу опиралась на «Советы трудовых коллективов», организовавшийся пролетариат в целом не вышел за рамки борьбы против молдавского национализма.

Попытки поднять социально-классовые вопросы в ходе конфликта на Украине, конечно, были. В частности, создание самопровозглашенных Донецкой и Луганской республик происходило на волне недовольства местного населения не только приходом к власти в Киеве националистов и разгулом фашиствующих молодчиков, но и явным социальным неравенством. Тема социального неравенства звучала и на Майдане. Только, чтобы решить этот вопрос, одного недовольства мало, нужна классовая организованность, включая революционную пролетарскую партию с четкой программой. А этого у тружеников Донбасса и остальной Украины как раз не было. Вполне естественно, что лидеры немногочисленных донбасских левых оказались относительно легко политически, а часто и физически устранены буржуазным руководством ДНР и ЛНР при содействии российских и украинских спецслужб. Отдельные предприятия, где трудовые коллективы делали заявки на самоуправление, были сразу же вовлечены в передел собственности между новыми хозяевами самопровозглашённых республик. А небольшие отряды левых, которые воюют за ДНР\ЛНР, сколько бы над ними ни развивалось красных флагов, выполняют, в конечном счёте, приказы буржуазного руководства республик. То есть, даже разразившееся на Донбассе вооруженное восстание против украинского национализма не побудило местных наёмных тружеников массово подняться на борьбу за свои именно классовые интересы…

В данной ситуации марксистам остается одно - продолжать решать свою прежнюю задачу: содействовать интернациональной классовой самоорганизации наёмных тружеников, прежде всего, конечно, рабочих пролетариев, в значимую общественную силу. Очевидно, что пока эта задача не решена, не могут быть решены и какие-либо иные. Организация же трудящихся в общественно-значимую силу подразумевает:

- формирование классовых политических и культурно-просветительских структур,
- создание классовых профсоюзов и рабочих организаций, ориентированных не на совершенствование, а на преодоление системы наемного труда,
- развитие кооперативно-коммунарских и прочих независимых от капитала хозяйственных инициатив.

Общая цель - получить в надстройке и базисе плацдармы, с которых начнется коммунистическая экспансия в мир капитала.

Д. Бондаренко.

ВЫСШАЯ ИСТИНА

Марксизм признает, что крупнопромышленные формы капитализма исторически стоят выше мелкотоварных. На этом основании иные анархо-экологисты упрекают марксизм в симпатиях к мегаполисам и конвейерно-индустриальным технологиям, которые лежат в основе капитализма и губительны для людей и природы. Между тем, марксизм признает за крупными предприятиями и городами право на жизнь не "вообще", а лишь тогда, когда они вытесняют более ранние формы производства и быта. Кроме того, именно классики марксизма одними из первых подняли вопрос о влиянии производства на природу и человека.

ЭКОЛОГИЯ И КОММУНИЗМ

В 1876 году в работе "Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека" Ф.Энгельс, рассуждая о влиянии животных и человека на природу, писал: "Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых. Людям, которые в Месопотамии, Греции, Малой Азии и в других местах выкорчевывали леса, чтобы получить таким путем пахотную землю, и не снилось, что они этим положили начало нынешнему запустению этих стран, лишив их, вместе с лесами, центров скопления и сохранения влаги. (...) И так на каждом шагу факты напоминают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, не властвуем над ней так, как что-либо находящееся вне природы, - что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри ее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличии от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять".

Еще в 1847 году в "Принципах коммунизма" Энгельс так рисовал картину нового общества: "Одни и те же люди будут заниматься земледелием и промышленным трудом, вместо того чтобы предоставлять это делать двум различным классам. Это является необходимым условием коммунистической ассоциации уже в силу весьма материальных причин. Распыленность занимающегося земледелием населения в деревнях, наряду со скоплением промышленного населения в больших городах, соответствует только недостаточно еще высокому уровню развития земледелия и промышленности и является препятствием для всякого дальнейшего развития, что уже в настоящее время дает себя сильно чувствовать".

Впоследствии в знаменитом "Анти-Дюринге" Энгельс сочувственно рассказывал о мнении по этому вопросу социалистов-утопистов: "И Фурье, и Оуэн требовали уничтожения противоположности между городом и деревней как первого и основного условия для уничтожения старого разделения труда вообще. Согласно взгляду обоих, население должно распределяться по стране группами в 1600-3000 человек; каждая группа занимает в центре своей территории громадный дворец и ведет общее домашнее хозяйство. И хотя Фурье говорит местами о городах, однако сами эти города состоят только из четырех или пяти таких дворцов, расположенных по соседству друг с другом. Согласно взгляду обоих, каждый член общества занимается и земледелием, и промышленностью. (...) Но оба они выдвигают требование, чтобы и в земледелии, и в промышленности существовало возможно большее чередование занятий для каждого отдельного лица и чтобы, сообразно с этим, юношество подготовлялось воспитанием к возможно более всесторонней технической деятельности. (...) Оба названные утописта стоят неизмеримо выше унаследованного г-ном Дюрингом способа мышления эксплуататорских классов, согласно которому противоположность между городом и деревней неустранима по самой природе вещей".

Кроме того: "Вырастив новое поколение всесторонне развитых производителей, которые понимают научные основы всего промышленного производства и каждый из которых изучил на практике целый ряд отраслей производства от начала до конца, общество тем самым создаст новую производительную силу, которая с избытком перевесит труд по перевозке сырья и топлива из более отдаленных пунктов.

Следовательно, уничтожение разрыва между городом и деревней не представляет собой утопию также и с той стороны, с которой условием его является возможно более равномерное распределение крупной промышленности по всей стране".

Словом, Энгельс не только поднял проблему экологии, но и указал, как она должна быть решена - по-коммунарски: через ликвидацию мегаполисов в пользу сравнительно небольших поселений, где промышленный труд чередуется с аграрным, а передовые технологии и универсально подготовленные работники коллективно обеспечивают как развитие производства, так и его экологичность.

НЕПОПРАВИМО

ПАМЯТИ ЛИДЕРА ПРОФСОЮЗА "ЗЗЗ" АЛЕКСАНДРА СИДОРОВА

В июне 2015 года в Перми от рака скончался один из основателей пермского краевого профсоюза "Защита, занятость, законность" ("ЗЗЗ"), член исполкома политобъединения "Рабочий" Александр Зимальдович Сидоров.

Александр был хорошо известен в лево-профсоюзных кругах своего региона. При его активном участии создавался профсоюз "Стекстрой". Организация отстояла права строителей на квартиры в домах, которые они возводили. Отстоять удалось и задержанные детские пособия - "сидоровки", как их впоследствии стали называть. Благодаря Александру сразу на нескольких пермских предприятиях был наведен порядок с выплатой уральского районного коэффициента. До этого бухгалтерии заводов "химичили" с его начислением. И это далеко не полный список успехов профсоюза и его лидера! Впоследствии на базе "Стекстроя" был создан профсоюз "ЗЗЗ".

Александр Сидоров детально изучил трудовое законодательство и бесплатно представлял интересы потерпевших в судах по социально-трудовым конфликтам. Его высокий профессионализм в этой области признавала даже такая казенная структура как Гострудинспекция - Александр был ее внештатным инспектором.

Возглавляемый Александром профсоюз не замыкался на трудовых конфликтах. Он постоянно вел общественно-политическую деятельность: организовывал различные форумы, встречи, митинги и пикеты.

Пермские чиновники и директора предприятий, разумеется, "знали и любили" Александра. Его не раз увольняли с работы. Последний раз это случилось за несколько месяцев до смерти. А однажды вечером на лидера профсоюза было совершено нападение, его избили и ограбили.

Александр не терпел религию и национализм во всех их проявлениях, много читал о революциях и восстаниях. В личном плане, говоря словами Маркса, ему не было чуждо ничто человеческое. Иногда он выпивал, любил футбол, уделял внимание женщинам. Он один вырастил двух сыновей, учил их революционным песням, делился жильем с теми, кому негде было ночевать.

Александру было 56 лет...

ПОЛИТОТДЕЛ

Агония мелкобуржуазной диктатуры

ОТ РЕДАКЦИИ

В 1931 году один из лидеров левой оппозиции в РКП(б), участник революционного движения с 1905 года Тимофей Сапронов написал статью, отрывки из которой ЛП представляет вашему вниманию. В материале удивительно точно предсказана судьба СССР, вскрыты глубинные противоречия советского строя, определена его историческая роль. Правда, наряду с этим автор допускает ряд явно ошибочных оценок. Тем не менее, для своего времени, "Агония мелкобуржуазной диктатуры" была огромным шагом вперед в осмыслении происходящего в СССР. Этого шага сталинская партхозноменклатура Т. Сапронову не простила. Как и многие левые оппозиционеры, он был репрессирован.

Полный текст статьи редакция вышлет всем желающим.

IV. Беглый анализ нашего хозяйства с неизбежностью требует вывода, что это хозяйство с точки зрения научного социализма не может быть подведено ни под какое другое определение, как своеобразный, уродливый госкапитализм.

Официальные "экономисты" в доказательство того, что наше хозяйство якобы социалистическое, приводят факт национализации средств производства и якобы плановости хозяйства. Что представляет из себя наша плановость, мы видели выше и возвращаться к нему не будем.

В "Анти-Дюринге" Энгельс писал: "В трестах свободная конкуренция превращается в монополию, а бесплановое производство капиталистического общества капитулирует перед плановым производством грядущего социалистического общества" [*Цитата взята из работы Энгельса "Развитие социализма от утопии к науке"* - ***ред.***]. В конце концов государство "оказывается вынуждено взять на себя руководство производством". Такое хозяйство и есть госкапиталистическое. При госкапитализме хотя и "вторгается" плановое хозяйство социалистического общества, но это еще не социализм.

"Но ни переход в руки акционерных обществ, ни превращение в государственную собственность не уничтожают капиталистического характера производительных сил". При госкапитализме вместо частных, крупных и мелких хозяев выступает государство как "идеальный совокупный капиталист" (Энгельс).

Если у нас нет буржуазии, у власти находится бюрократия, она же распоряжается средствами производства, а рабочий остается наемным рабом, то характер производства от этого социалистическим не делается.

Только ренегаты коммунизма могут госкапиталистическое хозяйство отождествлять с социалистическим. И это не ново. "С тех пор как Бисмарк бросился на путь огосударствления, появился особого рода фальшивый социализм, выродившийся местами в своеобразный вид добровольного лакейства, объявляющий без околичностей социалистическим всякое огосударствление, даже бисмарковское. Если государственная табачная монополия есть социализм, то Наполеон и Меттерних несомненно должны быть занесены в число основателей социализма. Когда бельгийское государство, из самых обыденных политических и финансовых соображений само взялось за постройку главных железных дорог; когда Бисмарк без малейшей экономической необходимости превратил в государственную собственность главнейшие прусские железнодорожные линии просто ради удобства приспособления и использования их в случае войны, для того, чтобы вышколить железнодорожных чиновников и сделать из них послушно вотирующее за правительство стадо, а главным образом для того, чтобы иметь новый, независимый от парламента источник дохода, - то все это ни в коем случае не было шагом к социализму, ни прямым, ни косвенным, ни сознательным, ни бессознательным" (Энгельс). Кто сомневается в том, что наша многомиллионная армия чиновников является послушным стадом в руках олигархической верхушки?

Не всякий госкапитализм Маркс и Энгельс считали прогрессивным. "Когда их [средств производства] огосударствление станет экономически неизбежным, только тогда - даже если его совершит современное государство - оно будет экономическим прогрессом". Но это еще не социализм и не четверть, и даже не сотая часть социализма, а лишь является "новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные силы". Всем известно, что огосударствление крестьянского скота в 1929-31гг. явилось гигантским шагом к … [*текст неразборчив* - ***ред.***] вырезанию скота.

С точки зрения исторического развития капитализма наш госкапитализм не только не является высшей формой развития капитализма, а, скорее, его первичной формой, формой - в своеобразных условиях - первоначального капиталистического накопления; он является переходным от пролетарской революции к частному капитализму. Как в Англии (в 16-17 веках) путем "огораживания" мелкий товаропроизводитель был лишен средств производства (см. "Капитал", т. 1), так и у нас так называемая "коллективизация" отделила нашего мелкого товаропроизводителя-крестьянина от его средств производства. Хотя если в Англии "овцы поели крестьян", у нас бюрократические "колхозы" поели и овец, и крестьян.

Существующий способ производства воспитывает не коллективизм, а индивидуализм, психологию частного собственника, рвача и спекулянта. Проверить это можно даже на сливках "коммунизма", на самой бюрократии, на ее индивидуалистической, эгоистической, друг от друга обособленной жизни. Трудно найти двух бюрократов, которые доверяли бы друг другу.

Вся политика бюрократического режима, концентрация средств производства города и деревни в его руках и неумение его организовать производство при удушении рабочего класса с неизбежностью ведет к передаче средств производства в руки отечественной и мировой буржуазии.

VI. Госкапиталистический характер нашего производства и мелкобуржуазная паразитическая диктатура выросли из поражения Октябрьской революции, последняя была пролетарской социалистической революцией. Она "экспроприировала экспроприаторов", сломила старый государственный аппарат буржуазии, заменила его выборным и сменяемым чиновничеством из рабочих. Из угнетенного пролетариат превратился в господствующий класс, из объекта эксплуатации в субъект - в сознательного строителя нового общества. Другими словами, была не только провозглашена, но и осуществлена диктатуры пролетариата.

Отнятием средств производства у буржуазии пролетариат лишил ее экономического господства, но так как эти средства производства бездействовали - пролетариат был занят гражданской войной - то социалистическое государство, "государство вооруженных рабочих", не могло подвести под свою политическую надстройку прочную экономическую базу.

В открытой военной схватке рабочие победили буржуазию. В то же время внутри рабочего государства начали происходить процессы перерождения. Основные причины их: 1) задержка мировой революции, а затем и ряд поражений ее (в Италии в 1920 году, в Германии в 1921-23 гг., в Англии в 1926 г. и, наконец, разгром Китайской революции); 2) Значительное преобладание мелкобуржуазного крестьянского большинства в нашей стране и в империалистическом окружении [*Возможно, "и империалистическое окружение"* - ***ред.***]; 3) истребление лучших кадров пролетариата в гражданской войне; 4) упадок хозяйственной жизни страны и на основе этого деклассирование пролетариата; 5) бюрократизация госаппарата и влияние на него враждебных пролетариату сил. Благодаря всему этому по окончании гражданской войны пролетариат оказался лицом к лицу с бушующим морем мелкобуржуазной стихии и, по выражению Ленина, "далеко не пролетарским государством".

Крестьянство из союзника пролетариата превратилось в его противника. Оно выступило против социалистической политики, за свободный товарооборот и подкрепило свои требования Тамбовом и Кронштадтом. Пролетариат вынужден был отступить, допустив сознательно капиталистические отношения в деревне. Бюрократия воспользовалась слабостью пролетариата и постепенно ликвидировала его завоевания. Еще в 1923 г. пролетариат почувствовал потерю своего господства и попытался его восстановить путем стачек, но был разбит.

Дискуссия 1923 года была прямым продолжением летних стачек, хотя этот факт был осознан не всей оппозицией. Соотношение сил в этой дискуссии было таково, что оппозиция имела все шансы победить. Она потерпела поражение со своей политической нерешительностью. Большинство руководителей движения не поняли глубины перерождения, не поняли того, что теперь нужно было брать власть или никогда. Непонимание момента вытекало из оторванности этих руководителей от рабочего класса.

От рабочего класса были оторваны не только идеологи мелкобуржуазной политики, а и большинство вождей оппозиции. Они варились в соку разлагающейся бюрократии и сами были подвержены этому разложению. Правильность этого предположения подтверждают последующие беспрерывные колебания верхушки оппозиции и затем дезертирство части вождей оппозиции.

В существующем беспредельном разложении и проституировании нравов отчасти повинна и верхушка оппозиции. Она часто вела свою армию в бой без руководящего направления, а то и просто бросала в бою. Брошенная армия на собраниях голосовала "пятками" (убегала). Армию оппозиции громили, а ее руководители стояли руки по швам.

Оппозиция китайской стеной отгораживалась от рабочего класса, пытаясь решить все вопросы внутрипартийным порядком. Но партия с 1923 года была уже парализована.

Рабочий класс, в свою очередь, отходил от оппозиции, сама армия оппозиции, дезорганизованная постоянными колебаниями и нерешительностью своих вождей, распадалась.

Воспользовавшись такой ситуацией, бюрократия, громя пролетарскую часть партии, повела открыто мелкобуржуазную, крестьянскую политику, ярким выражением которой были лозунги "лицом к деревне", "промышленность, не забегай вперед", "реже шаг" и т. д. Взят был курс на сбытовую и кредитную кооперацию в противовес колхозам и совхозам. Мелкобуржуазная политика потравления потребительским инстинктам крестьянства, в том числе и кулаку, снижения оптовых цен на промтовары вела к растаскиванию промышленности. Теория "врастания кулацких гнезд в социализм", лозунг "обогащайтесь" и, наконец, "строительство социализма в одной стране" были идеологическим венцом мелкобуржуазной политики.

Пять лет мелкобуржуазной утопической политики (1923-27) не могли не привести ее к кризису. Экономически он выразился в нарушении хозяйственного равновесия (диспропорции) в промышленности (рост цен, товарный голод, безработица), а социально - в росте капиталистических элементов в городе и деревне; политически - в сращивании хозяйственно-административного аппарата с кулаком и нэпманом (истории нарывов в Сочи, Смоленске, Астрахани и других городах), в стремлении кулака к власти, росте вредительства и, наконец, в ликвидации партии и профсоюзов как пролетарских организаций.

Этот кризис мог быть разрешен двумя путями: или резким поворотом на позиции пролетарской революции, или переходом на путь частно-капиталистического развития. На первый путь вступить бюрократия органически неспособна, а пролетариат уже настолько было обессилен, что сбросить ее не мог; второго пути бюрократия боялась потому, что она знала: буржуазия ее прогонит - потому бюрократия осталась верной себе и искала выхода на путях своих утопий.

На 15-м съезде под прикрытием "левых" лозунгов был совершен госпереворот против пролетариата, который экономически и организационно был подготовлен политикой 1923-27 гг. Кризис этим не только не разрешился, а вырос в прямую угрозу господству бюрократии. Рабочий класс отвернулся от нее окончательно, а "выпестованный" ею кулак начал наступать.

Перепуганная бюрократия политику лавирования между классами заменяла лавированием внутри классов, между группами. В ответ на хлебную стачку кулака бюрократия дала лозунг "бери хлеб у кулака силой", пытаясь при этом опереться на бедняка. Но к этому времени советский аппарат в деревне оказался в руках кулака, амбары оказались выметенными и у середняка, и у бедняка. В результате создался единый фронт всего крестьянства против своей же власти. Летом 1928 года новый поворот "лицом" ко всему крестьянству, в том числе и к кулаку: повышение цен на хлеб и сырье. Политика колебания вызвала широкую контрреволюционную волну в городе и деревне.

Тимофей Сапронов

К этому времени ужасающе выросла нищета пролетариата: ухудшалось снабжение, снижалась зарплата, а армия безработных выросла свыше 3 миллионов. Весной 1928 г. покатилась волна стачек и беспорядков безработных на биржах труда. Жестокая расправа с ними была ответом бюрократии.

Животный страх бюрократии за свое господство толкнул ее на путь "индустриализации" и "коллективизации". Бюрократия, усыпляя бдительность пролетариата, вырабатывала грандиозные планы и опубликовывала головокружительные цифры, она объявляла равенство и почти коммунизм на фабриках, вводя в это время увеличение норм выработки, снижение зарплаты, ухудшение соцстрахования и кодекса законов о труде. Всякое выступление в защиту интересов рабочего класса клеймилось как шкурничество, вредительство и пр. Подвергались травле целые рабочие коллективы, а их руководители бросались в тюрьмы и ссылку.

К концу 1929 года бюрократия, объявив своим союзником бедноту и батрачество, начала сплошную "коллективизацию". Эта "коллективизация" привела к сплошному вырезанию скота и даже птицы. В начале кампании местами беднота поддерживала "коллективизацию", но когда она увидела вместо социализма разорение деревни - восстала. Волна крестьянских восстаний настолько была грозна, что бюрократия считала дни и часы своего господства. Страх перед завтрашним днем заставил ее "кровью и железом" подавить эти восстания. Но они были подавлены не только оружием, а главным образом, обманом - обещанием отменить экспроприацию мелкого собственника.

Восстания крестьян удалось подавить, но кризис не только не разрешен, а обострился. Теперь опорой власти бюрократии в деревне объявлен "колхозник" - будь он бедняк, середняк или кулак, а врагом - единоличник, хотя бы он был десять раз бедняк. Впрочем, с 1930 года кулаков определяют не по социальным признакам, а по идеологическим - поперечил "ндраву" помпадура, значит и кулак.

Вся эта политика привела мелкобуржуазную диктатуру к той агонии, которую она теперь переживает, и к неслыханному обнищанию рабочего класса и всех трудящихся масс.

Не в единстве рабочего класса и консолидации его сил ищет бюрократия спасения, а в его расколе, в натравливании друг на друга его отдельных отрядов.

В деклассировании рабочего класса, в его бесправии, в деклассировании крестьян ценою разрушения производительных сил, в преследовании бедняка и середняка паразитическая диктатура ищет спасения. Но такая политика не спасает, а лишь несколько отсрочивает гибель этой диктатуры.

Чем дольше будут такого рода отсрочки, тем катастрофичней будет ее падение.

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ

Приведенные отрывки показывают, что многие "открытия", которые левые делали уже после распада СССР, были совершены за десятилетия до этого. Такое отсутствие преемственности среди советско-постсоветских левых демонстрирует, каких успехов достигла партхозноменклатура в тотальном подавлении инакомыслия. Впрочем, это не спасло советские порядки от предсказанного Т. Сапроновым перерождения из формы "первоначального капиталистического накопления" в нормальный "частный капитализм"...

Точно определив историческое место и роль советского огосударствления, автор статьи допустил и ряд ошибок. В частности, диктатуру, при которой гигантски растут крупная индустрия и ряды пролетариата, ликвидируется мелкотоварное производство, неверно называть "мелкобуржуазной" по характеру. Кстати, запись Сапроновым всех крестьян в ряды мелкой буржуазии тоже является определенным перегибом. Значительная часть тогдашнего крестьянства еще вела полу-натуральное хозяйство, сохраняла общинные традиции. Без этого коллективизация не имела бы успеха, несмотря на всю мощь репрессивных органов СССР.

Вряд ли уместно говорить и о поголовном "неумении" советской номенклатуры организовать производство. Дальнейшие десятилетия наглядно показали ошибочность этого тезиса Сапронова.

Можно поспорить и с однозначной оценкой автором Великого Октября, как "пролетарской социалистической революции". Пролетарско-социалистический поток в революции, несомненно, присутствовал и вначале преобладал. Но уже с вынужденным переходом большевиков к НЭПу стало ясно, что, по сравнению с радикально-антифеодальным, буржуазно-модернизаторским, по своей экономической сути, потоком, он оказался на втором месте. Впрочем, Сапронов сам, фактически, признает это, рассуждая о государственном капитализме и "первоначальном капиталистическом накоплении".

Главным минусом статьи является отсутствие четкой альтернативы складывавшимся сталинским порядкам. Такой альтернативой могли стать только различные формы классовой самоорганизации тружеников в производстве и социальной жизни. Прежде всего, это производственно-потребительские коммуны, особенно распространенные в до-нэповский период, если бы они образовали единую народно-хозяйственную сеть. Однажды об этом упомянул В.Ленин... Но надо понимать, что для начала 1930-х гг. прорывом было уже одно только выявление и подробное обоснование государственно-капиталистической природы после-нэповского СССР. Крайне важным было и подтверждение обозначенных К. Марксом целей коммунистов. В самом конце статьи автор писал: "Наша цель остается неизменной - коммунизм, средство - социальная революция и диктатура пролетариата...".

КОММУНЫ БЫЛИ "ОТЛОЖЕНЫ"...

В начале 1934 года в Москве прошел 17-й съезд ВКП(б) - «съезд победителей». Имелась в виду победа сталинского ЦК над всеми партийными оппозициями и перелом в коллективизации. Съезд поставил задачу во Второй пятилетке «установить в СССР социалистический способ производства». На партийном форуме говорилось и о необходимости развивать торговлю и сворачивать коммуны. Как считали лидеры ВКП(б), никакого противоречия в этом нет. Некоторые левые считают так и сегодня...

Среди документов съезда есть резолюция «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР». Помимо прочего, в ней говорится: «XVII съезд ВКП(б) устанавливает, что второй пятилетний план развития народного хозяйства, представленный Госпланом Союза и принятый ЦК ВКП(б) и СНК Союза ССР, обеспечивает: а) ликвидацию капиталистических элементов и классов вообще, окончательную ликвидацию, на основе полного завершения коллективизации крестьянских хозяйств и кооперирования всех кустарей, частной собственности на средства производства; ликвидацию многоукладности экономики Советского Союза и установление социалистического способа производства, как единственного способа производства, с превращением всего трудящегося населения страны в активных и сознательных строителей социалистического общества».

В свое время - еще до «отступления» в виде НЭПа, В.Ленин много внимания уделил тому каким должно быть социалистическое общество. В апреле 1918 года, в работе «Очередные задачи Советской власти» он отмечал: «Социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность и достигающих этим возможности понижать рабочий день до семи, до шести часов в сутки и еще менее».

Упоминание о коммунах не было для него случайной обмолвкой. В феврале 1919 года, в проекте Программы РКП(б) он писал: «(...) рядом постепенных, но неуклонных мер уничтожить совершенно частную торговлю, организовав правильный и планомерный продуктообмен между производительными и потребительскими коммунами единого хозяйственного целого, каким должна стать Советская республика». Более того, сама вторая Программа партии гласила: «В области распределения задача Советской власти в настоящее время состоит в том, чтобы неуклонно продолжать замену торговли планомерным, организованным в общегосударственном масштабе распределением продуктов. Целью является организация всего населения в единую сеть потребительских коммун, способных с наибольшей быстротой, планомерностью, экономией и с наименьшей затратой труда распределять все необходимые продукты, строго централизуя весь распределительный аппарат». Так писал Ленин, когда задачу перехода к коммунистическим общественным отношениям большевики еще ставили всерьез. Впоследствии реалии отсталой крестьянской страны заставили его писать уже другое - о переходе к государственному капитализму...

Впрочем, независимо от колебаний Ленина, очевидно, что в обществе, которое достигло отмирания государства или хотя бы движется к нему, все экономические и социальные вопросы должны решаться самим населением. Для этого людям понадобятся постоянно действующие организационные структуры как на производстве так и по месту жительства. Уже это во многом выводит на систему производственно-потребительских коммун. Развитие таких коммун тождественно приближению коммунистических отношений.

В первые годы Советской власти, - в период «революционной романтики», - действительно, возникало много коммун как на селе, так и в городе. Причем, если в деревне коммуны обычно носили производственный характер, то город чаще всего давал образцы потребительских коммун. В частности, организовывалось коллективное потребление жилищно-бытовых услуг. Об этом любопытно пишет историк Наталия Лебина в работе «Советский дом-коммуна: границы тела»: «С октября 1917 года видные питерские большевики совместно проживали в здании Смольного института, где помимо административных служб размещались библиотека-читальня, музыкальная школа, Смольный детский дом (ясли), баня, столовая. К 1920 году из имеющихся в комплексе зданий Смольного 725 квартир и комнат 594 были жилыми. Здесь обитали примерно 600 человек, которых обслуживало более тысячи рабочих и служащих: медиков, поваров, истопников, слесарей, охранников и т. д.».

Лебина приводит и другие факты: «В первой половине 1920-х годов приживить фаланстеры на российской почве попытались комсомольцы. Чаще всего это была индивидуальная инициатива. Первые молодежные коммуны стали появляться в центральном промышленном районе России. Молодые люди организовывали общее жилье в старых фабричных казармах, объединяясь вместе для преодоления материальных трудностей. Именно так поступили в 1923 году 10 девушек-текстильщиц из Иваново-Вознесенска. Они создали в одной из комнат фабричного барака коммуну «Ленинский закал». Посуды у коммунарок практически не было: ели из общей миски. Одежду обобществили - одни туфли носили по очереди. Коммунистическим в этом нищенском существовании был лишь портрет Л. Троцкого - поборника борьбы за новый быт».

И еще: «Коммуны стали образовываться на основе ударных производственных бригад при заводах и фабриках. Но поселялись коммунары, как и в самом начале 1920-х годов, в совершенно не приспособленных для общего проживания помещениях: в старых казармах, красных уголках при клубах, нередко даже в комнатах коммунальных квартир. Соблюдения жилищно-санитарных норм в данном случае властные структуры не требовали. Во многих случаях члены коммуны обобществляли 40-60, а иногда и 100 % заработка. Журнал «Смена» писал о жизни в бытовых коллективах: «Всем распоряжается безликий и многоликий товарищ-коллектив. Он выдает деньги на обеды (дома только чай и ужин), закупает трамвайные билеты, табак, выписывает газеты, отчисляет суммы на баню и кино» (Смена 1929: 2-3). Кое-где из общей казны даже оплачивались алименты за разведенных коммунаров. Как и в начале 1920-х годов, в большинстве коммун доминировали аскетические принципы быта. Запрещалось, например, по собственному желанию на дополнительно заработанные деньги покупать себе вещи без санкции коллектива».

Подобные примеры позволили И. Сталину на 17 съезде партии констатировать: «В отличие от артели, где обобществлены только средства производства, в коммунах до последнего времени были обобществлены не только средства производства, но и быт каждого члена коммуны, т. е. члены коммуны в отличие от членов артели не имели в личном владении домашнюю птицу, мелкий скот, корову, зерно, приусадебную землю. Это значит, что в коммунах личные, бытовые интересы членов не столько учитывались и сочетались с интересами общественными, сколько заглушались последними в интересах мелкобуржуазной уравниловки. Понятно, что это обстоятельство является самой слабой стороной коммун. Этим, собственно, и объясняется, что коммуны не имеют большого распространения и попадаются лишь единицами и десятками. По этой же причине коммуны, чтобы отстоять свое существование и не развалиться, оказались вынужденными отказаться от обобществления быта, начинают работать по трудодням, стали выдавать зерно на дом, допускают личное владение домашней птицей, мелким скотом, коровой и т. д., но из этого следует, что коммуны фактически перешли на положение артелей. И в этом нет ничего плохого, ибо этого требуют интересы здорового развития массового колхозного движения.

Это не значит, конечно, что коммуна вообще не нужна, что она не является больше высшей формой колхозного движения. Нет, коммуна нужна и она, конечно, является высшей формой колхозного движения, но не нынешняя коммуна, которая возникла на базе неразвитой техники и недостатка продуктов и которая сама переходит на положение артели, а - будущая коммуна, которая возникнет на базе более развитой техники и обилия продуктов».

Кстати, критикуя уравнительный характер части коммун, Сталин на съезде нанес еще один удар влево: «Пришлось преодолеть, далее, предрассудки другого рода. Речь идет о левацкой болтовне, имеющей хождение среди одной части наших работников, о том, что советская торговля является якобы пройденной стадией, что нам надо наладить прямой продуктообмен, что деньги будут скоро отменены, так как они превратились якобы в простые расчетные знаки, что незачем развивать торговлю, ежели стучится в дверь прямой продуктообмен. Следует отметить, что эта левацко-мелкобуржуазная болтовня, играющая на руку капиталистическим элементам, стремящимся сорвать развертывание советской торговли, имеет хождение не только среди одной части «красных профессоров», но и среди некоторых работников торговли. Конечно, смешно и забавно, что эти люди, неспособные наладить простейшее дело советской торговли, болтают о своей готовности наладить более сложное и трудное дело прямого продуктообмена». Таким образом, товарно-денежные отношения, «по очень уважительной причине», не преодолевались, а наоборот, становились важной частью советского хозяйственного механизма...

Но вернемся к коммунам. Справедливо критикуя уравниловку во многих из них, Сталин не счел нужным вспомнить о коммунах существовавших в системе ОГПУ - коммунах для малолетних преступников. Эти коммуны - тема отдельного большого разговора. Здесь отметим лишь, что именно данные коллективы ближе всех в СССР подошли к коммунистическим отношениям. Кстати, они и продержались дольше других - до конца 1930-х годов.

В знаменитой «Педагогической поэме» Антона Макаренко подробно описаны ростки коммунизма в этих коммунах: «Сначала у нас не было никакой конституции. Командиры назначались мною, но к весне все чаще и чаще я стал собирать совещание командиров, которому скоро ребята присвоили новое и более красивое название: «совет командиров». Я быстро привык ничего важного не предпринимать без совета командиров; постепенно и назначение командиров перешло к совету, который таким образом стал пополняться путем кооптации. (...) Благодаря способу кооптации мы имели всегда прямо великолепных командиров, и в то же время мы имели совет, который никогда как целое не прекращал своей деятельности и не выходил в отставку.

Очень важным правилом, сохранившимся до сегодняшнего дня, было полное запрещение каких бы то ни было привилегий для командира: он никогда не получал ничего дополнительно и никогда не освобождался от работы».

Помимо установления коллективизма в управлении коммуной, в ней были сделаны шаги к преодолению разделения труда через постоянную ротацию кадров - важнейшему признаку коммунизма. В «Поэме» этот момент подчеркнут особо: «К весне двадцать третьего года мы подошли к очень важному усложнению системы отрядов. Это усложнение, собственно говоря, было самым важным изобретением нашего коллектива за все тринадцать лет нашей истории. Только оно позволило нашим отрядам слиться в настоящий, крепкий и единый коллектив, в котором была рабочая и организационная дифференциация, демократия общего собрания, приказ и подчинение товарища товарищу, но в котором не образовалось аристократии - командной касты.

Это изобретение было - сводный отряд. (...)

Сводный отряд был всегда отрядом только рабочим. Как только заканчивалась его работа и ребята возвращались в колонию, сводного отряда больше не существовало. (...) Каждый сводный отряд составлялся на неделю, следовательно, и отдельный колонист на вторую неделю обычно получал участие в новом сводном, на новой работе, под командой нового комсводотряда. Командир сводного назначался советом командиров тоже на неделю, а после этого переходил в новый сводный обыкновенно уже не командиром, а рядовым членом.

Совет командиров всегда старался проводить через нагрузку комсводотряда всех колонистов, кроме самых неудачных. Это было справедливо, потому что командование сводным отрядом связано было с большой ответственностью и заботами. Благодаря такой системе большинство колонистов участвовало не только в рабочей функции, но и в функции организаторской. Это было очень важно и было как раз то, что нужно коммунистическому воспитанию. (...) Командир постоянного отряда отправлялся на работу простым рядовым участником сводного отряда и во время работы подчинялся временному комсводотряда, часто члену своего же постоянного отряда. Это создавало очень сложную цепь зависимостей в колонии, и в этой цепи уже не мог выделиться и стать над коллективом отдельный колонист».

Вот как выглядит на практике, не раз упоминавшийся В. Лениным после Великого Октября «Переход через Советское государство к постепенному уничтожению государства путем систематического привлечения все большего числа граждан, а затем и поголовно всех граждан к непосредственному и ежедневному несению своей доли тягот по управлению государством» (Доклад VII съезду РКП(б), март 1918 г.)!

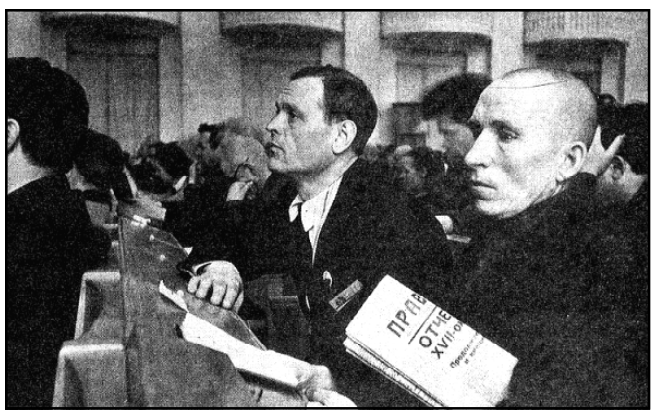
Примечательно, что детская коммуна оказалась весьма передовой и в производственном плане. Помимо эффективной обработки полей и садов, там наладили развитое мебельное производство.

Показателен пример и другой коммуны ОГПУ - «Болшевской». Она располагалась под Москвой и тоже имела серьезный производственный потенциал. После ликвидации коммуны, на ее базе даже создали военное предприятие, а впоследствии - машиностроительный завод.

В работах посвященных «Болшевской» коммуне, современные авторы отмечают: «На выбор предлагалось - шить спортивную обувь, слесарить, позже болшевцы начали выпускать коньки, заработало трикотажное производство. Работать в совхозе желающих не нашлось - народ в коммуне весь городской. Ничего страшного: «Жизнь преступника слишком опасна и неопределенна, поэтому, когда он становится на трудный путь, он хочет иметь твердую устойчивость, какую может дать ему завод». Тем более, что будущее свое болшевцы планировали в городе. Привычка к тому, что они здесь - хозяева, давалась непросто. В первые дни воровали ложки, вилки из столовой, ключи от склада, где лежал их инструмент. Остепенились. Так же постепенно вошли во вкус самоуправления, появились цеховые комиссии, которые принимали у коммунаров на разряд. Все, что касалось производства: брать ли заказ на ночные туфли, профессионально ли действует цехком, кто заслуживает премии, обсуждалось всеми. Темпераментно. «Иногда обсуждение бывает более бурное, чем нужно бы, но страсти утихают, будущие администраторы и руководители фабрик и заводов приходят к единому решению»».

Но к моменту 17-го съезда СССР жил уже не по коммунарско-коммунистическим порядкам. Тон задавала сумевшая выделиться и «стать над коллективом» партхозноменклатура. В течение 30-х годов все коммуны были ликвидированы, независимо от успеха или неуспеха их деятельности. Многие их участники оказались в заключении. Привыкшие к реальному самоуправлению коммунары не соответствовали новому главному требованию, предъявляемому властью к советскому человеку - следовать приказам сверху. Этого несоответствия номенклатура не прощала. Вполне логично, что она уничтожила систему, производившую целые коллективы самостоятельно мыслящих людей. Чиновникам была нужна пусть безликая, но послушная толпа. Сегодня очевидно, что они немало преуспели в соответствующем воспитании народа...

Итак, на «съезде победителей» под грандиозными планами производства стали и чугуна, по сути, были похоронены даже те небольшие ростки коммунистических отношений, которым удалось пробиться через экономическую отсталость страны. Дальнейшее развитие советского строя неуклонно вело его в противоположную коммунизму сторону. И привело... Впрочем, это уже вопрос истории. Сейчас гораздо важнее, насколько сегодняшние левые близки к пониманию коммунизма именно как системы производственно-потребительских коммун. Эти коммуны и подобные им нерыночные, основанные на самоорганизации работников, инициативы только и могут стать фундаментом устойчивой коммунистической революционности. Тем более что современное производство вполне способно избавить коммунаров от жизни «на базе неразвитой техники и недостатка продуктов». Есть из «общей миски» уже не придется!



опыт

КОММУНИЗМ КУЗБАССКОГО МАСШТАБА

В первой половине 1920-х годов в Кузбассе образовалась автономная промышленная колония рабочих и левых активистов из Европы и США. Они хотели строить новое общество. Советская Россия представлялась для этого самым лучшим местом. Поначалу колонию советское правительство активно поддержало...

В первые годы после Октябрьской революции большевики планировали строить социализм не иначе как при действенной помощи более развитого Запада. Но для этого там должна была произойти коммунистическая революция. Когда стало ясно, что с революцией возникли сложности, ставка была сделана, в числе прочего, на помощь Советской России со стороны европейского и американского пролетариата.

В апреле 1921 года В. Ленин пишет "Обращение к международному пролетариату". Там говорится: "Те, кто испытал на себе всю жизнь гнёт капитала, поймут положение рабочих и крестьян России, - поймут или почувствуют инстинктом человека трудящегося и эксплуатируемого необходимость помочь Советской республике, которой пришлось первой взять на себя благодарную, но тяжелую задачу свержения капитализма".

Желающие помочь быстро нашлись. Уже в июне 1921 года голландский коммунист, член Англо-американской группы РКП(б) Себальд Рутгерс от имени группы европейских и американских левых направил Ленину письмо: "Дорогой товарищ Ленин!

Вместе с т. Мартенсом и членом организации ИРМ (*"Индустриальные рабочие мира" - леворадикальная организация США* - ***ред. ЛП***) т. Кальвертом мы представляем на Ваше рассмотрение план промышленных трудовых колоний иностранных рабочих и специалистов из промышленно развитых стран, как-то: США, Германия и т. д." В письме особо оговаривалось, что будущие колонии должны быть относительно независимы от местной власти. Средства, необходимые на закупку инструментов и оборудования, предполагалось накопить за счет взносов колонистов - по 200 долларов с каждого.

Ленин одобрил проект при условии, что колонисты привезут с собой еду, одежду и инструменты. Но чуть позже, в переписке с советскими руководителями, он высказывал опасения: ""Вопрос трудный:

за: если американцы выполнят обещанное, польза будет гигантская. Тогда не жаль 600 000 рублей золотом.

против: выполнят ли? Хейвуд - полуанархист. Больше сентиментален, чем деловит. Рутгерс - как бы не впал в левизну. Кальверт - архи-говорлив. Гарантий деловых у нас никаких. Увлекающиеся люди, в атмосфере безработицы наберут группу "искателей приключений", кои кончат склокой. А мы тогда теряем часть данных нами 600 000 рублей золотом..."

Тем не менее, осенью 1921 года организаторы колонии выехали в Кузбасс для выбора места. Параллельно с этим, в Европе и США, через левые партии и профсоюзы, развернулась вербовка колонистов. По разным данным, в результате агитационной кампании удалось собрать от 300 до 600-700 желающих отправиться в Советскую Россию - коммунистов, членов ИРМ и беспартийных.

Автономная Индустриальная Колония (АИК) обосновалась в Кемерово на угольной шахте. В коллектив иностранцев влились около 3000 местных рабочих. Помимо промышленного производства, было налажено и сельскохозяйственное - для нужд колонистов. Причем, сельхозработы велись при помощи еще редких в России американских тракторов.

Местная советская и партийная власть охотно помогала иностранцам. Тем более, что С. Рутгерс, как руководитель колонии, мог напрямую обращаться в ЦК партии, Госплан, Совет Труда и Обороны. А вот русские инженеры арендованных колонией шахт, выполняя распоряжение старых хозяев, вредили, как могли...

Поскольку задачей колонии являлось не просто восстановление и развитие предприятий, а организация производства по-коммунистически, все более-менее важные вопросы производства и быта решались на общих собраниях.

Но вскоре руководство колонии пришло к выводу, что сугубо производственные вопросы должны рассматриваться не собранием, а инженерами-специалистами. Практика показала, что именно такой подход обеспечивает максимальный производственный эффект. Это вызвало определенные трения между дирекцией и членами ИРМ. Последние настаивали на проведении всех решений через общие собрания. Часть иностранцев, в знак протеста, даже уехала из Кузбасса. Еще раньше домой были отправлены 23 анархиста, которые отказывались выполнять распоряжения дирекции.

Администрация колонии объясняла ведение единоначалия в производственной сфере спецификой НЭПа: ставка делалась на прибыльность, повышение производительности труда, что подразумевало четкую управленческую вертикаль. В письме в Совет Труда и Обороны дирекция поясняла: «...Вполне ясно... что первоначальный договор не был и не мог

Открытие химзавода в Кемерово, 1924г.

быть выполнен, так как был заключен до того, как нэп успел принять теперешнюю форму... В то же время ясно, что первоначальная форма организации, основанная больше на пропаганде, чем производстве, с организационным комитетом и правлением в числе 15 человек, должна быть отменена... Самой лучшей формой является правление из трех лиц: одного в Кемерове, одного в Надеждинском заводе, одного в Москве, причем это правление имеет полную власть и контроль над всеми работами в Нью-Йорке и других странах, а каждый из членов отвечает за свою работу...»

Еще больше недовольных стало тогда, когда были введены 17 разрядов зарплаты. Заработок рабочего стал существенно ниже заработка инженера. На общих собраниях колонисты вели жаркие споры по данному вопросу. Вот как описан один из таких споров в книге "Рутгерс" (серия "Жизнь замечательных людей"):

"- Товарищи! - кричит он (*выступающий на собрании* - ***ред. ЛП***). - Мы за принцип равенства. Инженер будет получать первую категорию, а я, рабочий, десятую. Измена революции!

Слово берет голландский инженер коммунист Струйк.

- Наша колония не благотворительное учреждение, а хозяйственное предприятие. Она должна работать без убытка. При существующем положении самое главное для Советской России - поднять производительность труда. Это возможно лишь при дифференцированной оплате".

Сочетание коммунистических и рыночных методов дало эффект. Силами колонистов успешно велось восстановление старых шахт и других предприятий. Колония производила все больше угля и кокса, вбирала в себя новые предприятия, внедряла передовую по тем временам технику. Постоянно росла производительность труда. Была построена электростанция и электрифицированы окрестные деревни. Кстати, сбыт произведенного колонией товара во многом шел через "вольный рынок".

На шахтах была введена ясная и простая система отчетности, которая позволила заметно сократить административный аппарат. Правда, старые служащие предприятий были этим крайне недовольны...

Свою роль в успехах колонии сыграли и полученные колонистами льготы: право беспошлинно ввозить товары из-за границы и приглашать высококлассных специалистов, оплата налогов по упрощенной схеме, отмена частых инспекций.

Если производство вынужденно переходило на хозрасчёт (т. е., говоря словами В. И. Ленина, «в значительной степени на коммерческие, капиталистические основания»), то в быту сохранялся уравнительный коллективизм - в виде обязательных 60%-ных отчислений от зарплаты на питание, жилье, прачечную и другие коммунальные услуги. Причем, люди могли выбирать между ежедневным трехразовым питанием в общественной столовой и получением продуктов на месяц.

Колонисты жили в специально выстроенных ими самими домах-коммунах с общими столовыми. К примеру, первый такой дом вмещал 200 человек. Но жилья не хватало. Поэтому колонисты иногда конкурировали за него.

Однажды на общем собрании рассматривался конфликт из-за комнаты в общежитии. Группа шахтеров выгнала из помещения работницу, вселенную туда приказом дирекции. Свой поступок рабочие объяснили тем, что после тяжелого трудового дня им нужно хорошо отдохнуть в благоустроенном помещении. Женщина же занята на легком швейном труде и потому, по их мнению, не так нуждается в удобной комнате. Коллектив встал на сторону "захватчиков". Только угроза Рутгерса уйти со своего поста изменила решение собрания. Он поставил вопрос ребром: коллектив подчиняется приказам существующей дирекции или выбирает новое руководство.

Случались и национальные трения. В частности, финские рабочие были обижены тем, что среди руководителей колонии нет финнов. Пришлось через Коминтерн "выписывать" компетентного финского специалиста.

Особый вопрос - взаимоотношения колонистов с местным начальством и рабочими. Различия между западными и сибирскими пролетариями проявились в весьма оригинальной форме - в отношении к коровам. Местные рабочие - вчерашние крестьяне, как правило, держали коров и постоянно отвлекались на работы, связанные с уходом за ними. Западных пролетариев, давно отошедших от крестьянской жизни, это неприятно удивляло. Выход, как казалось, нашли в том, чтобы колония скупила коров для коллективной фермы, причем, по очень хорошей цене. Продавшим животных рабочим дали гарантию обеспечения их семей молочными продуктами. Но многие тут же приобрели новых коров - их жены и дети слишком привыкли к Буренкам. Коллективную ферму пришлось закрыть...

Трения возникли и когда выяснилось, что местные кузнецы в рабочее время делают из материалов колонии изделия для продажи "налево". Этих рабочих постепенно заменили комсомольцами.

Различный подход к делу обозначился и "в верхах". К 1925 году в руководство колонии стали водить советских администраторов. С их появлением, управленческий аппарат вырос с 80 до почти 150 человек, подсобное хозяйство ликвидировали, заработки стали падать.

Когда Рутгерс уехал на лечение в Голландию, рабочие писали ему: «Средства колонии разбазариваются. Ее деньги тратятся на личные нужды Коробкина (*Одного из новых руководителей колонии* - ***ред. ЛП***) и его спецов из Донбасса... Больше терпеть нельзя. Необходимо ваше вмешательство». Кстати, впоследствии Коробкин был исключен из партии и арестован за халатность и злоупотребления властью...

В письме в Москву С. Рутгерс так реагировал на происходившие "нововведения": "Я хочу еще раз подчеркнуть, что я за передачу АИК русскому руководству, АИК должна и, может быть, очень скоро, потерять свою самостоятельность и войти в общую систему советского хозяйства. Но необходимо сохранить специфику нашей организации: большую эффективность руководства при минимальном количестве административных работников. Сочетание ясности нашей статистики и контроля с новейшими производственными методами является главным достижением нашей колонии".

С. Рутгерс, 1924 г.

Но в Москве судьба колонии уже была решена. В 1926 году она теряет большую часть иностранных работников и постепенно вливается в ряды "нормальных" государственных предприятий.

Если учесть, что именно в этот период в СССР шло активное строительство "государственного социализма", становится ясно, что даже весьма умеренные коммунарско-коммунистические эксперименты кузбасских колонистов становились все больше не по душе партийно-хозяйственной номенклатуре. Дело не спасали даже экономические успехи колонии. Важнее объемов производства и производительности труда для советских «ответственных работников» было то, что АИК давала другим рабочим коллективам "дурной" пример самоуправления. В сталинском СССР этого уже не терпели.

К СВЕДЕНИЮ

22 мая 1922 года в Нью-Йорке вышел первый номер «Кузбасского бюллетеня», с программной передовицей Себальда Рутгерса:

КУЗБАСС - ПОПЫТКА УКРЕПИТЬ СОВЕТСКУЮ РОССИЮ

Вокруг Кузбасса сейчас столько романтизма, что многие рабочие, похоже, упускают из виду твёрдую основу и практическую значимость проекта. Чтобы избавить предмет разговора от романтического ореола, возникшего вокруг достаточно трезвого организационного почина, уместно кратко изложить то, чем Кузбасс НЕ является.

Кузбасс - это не «самовластье» в смысле какой-либо формы территориальной автономии. Он является незыблемой составной частью РСФСР под руководством Совета Труда и Обороны и его ведомств, и продолжит быть таковым. "Автономность" Колонии означает, что Советская власть гарантировала достаточную свободу действий для управления внутренними делами Колонии, с тем, чтобы сделать возможной высочайшую степень эффективности. И не более того.

Кузбасс - не место ни для теоретиков, ни для мечтателей, не место он и для опробования планов устройства будущего общества. Это - то место, где надо работать и работать усердно, чтобы производить как можно больше в целях укрепления экономического фронта Рабочей Советской республики против капитализма, путём увеличения продукции машинной индустрии. Если мы выиграем, то Новое Общество проявит свои особые формы; если мы проиграем, то снова станем рабами, как и прежде.

Кузбасс - это не решение проблемы безработицы в Америке. Безработица будет существовать, пока правит капитализм, а американский капитализм может продолжать опираться на резервы работников в опустошенных войной странах, а также во вновь созданных странах Европы и даже Азии. Кузбасс затевался не для спасения отдельных лиц, а для того чтобы воспользоваться обширным наследием, изъятым из капитализма, и реконструировать его на машинном базисе для использования Рабочей Республикой.

Кузбасс - не место для тех, кто настаивают на получении полного продукта своего труда в том смысле, что работник должен иметь право удержания продуктов, которые он производит или эквивалента таких продуктов. Продукты труда находятся в общественном владении, и никакая особая группа рабочих не имеет право на большее количество продуктов для работника, потому что ему доводится работать при более благоприятных общественных или природных условиях, чем в среднем его товарищам. Продукты принадлежат рабочим только в том смысле, что никаким паразитам, акционерам и т. п. не должно быть позволено участвовать в результатах общего труда.

Кузбасс - это не кооператив, не производительное товарищество с возможностями для тех, кто в нём участвует, разбогатеть среди голодающего населения. Продукты принадлежат РСФСР, и американцы получат более высокий уровень жизни лишь до поры до времени, потому что они требуют этого стандарта для работы с максимальной эффективностью. Промышленная эффективность - вот ключ к Кузбассу.

Кузбасс - это не попытка рабочих самоизолироваться. У нас уже было достаточно опыта с «социалистическими» колониями в капиталистических странах, чтобы не знать полную невозможность таких попыток. Единственный шанс для Кузбасса заключается в его существовании в качестве составной части РСФСР, хотя и с достаточной автономией для разработки максимально возможной технической и социальной эффективности. Те, кто не верят в Советскую республику, должны остаться дома. Необходимо тесное сотрудничество и взаимопонимание с Советским Правительством. Антагонизм лишь помог бы «белым» и собственникам из Антанты. Если Советское Правительство не сможет выстоять против капитализма, то он проглотит Кузбасс и его рабочих. Укрепление Советского правительства - это не только общепризнанная цель Кузбасса, но и самое существенное условие для его дальнейшего существования.

Поэтому все друзья Советской России должны быть естественными друзьями Кузбасса, и все друзья Кузбасса должны видеть в своих усилиях наиболее эффективную поддержку Советской России в её борьбе за существование, в её борьбе против голода и дезорганизации. Советская Россия нуждается в иностранных инженерах и рабочих с их мастерством, инструментарием и оборудованием. Здесь есть благоприятная возможность только для тех, кто готов поддержать ЛИЧНО СВОИМ ТРУДОМ Советскую Россию.

Общежитие, построенное коммунарами.

СВОЕЮ СОБСТВЕННОЙ РУКОЙ

ИМЕНЕМ ГРОМАДЫ

Одним из следствий киевского Майдана 2013-14 годов стали попытки рядовых украинцев взять свою жизнь под собственный контроль. А именно - создание предусмотренных украинской Конституцией территориальных громад и «народных предприятий» при них. Новая власть не может обеспечить людям сносные условия жизни, и они добиваются этого без нее…

Если русскоязычный Донбасс после Майдана пошел по пути сепаратизма, то западные области, наряду с подъемом национализма, отреагировали развитием местного самоуправления. В частности, в Хмельницкой, Львовской и Тернопольской областях было создано несколько десятков «народных предприятий», которые не платят государству налоги и контролируются территориальными громадами - органами местного самоуправления.

«Народные предприятия» создаются в самых разных сферах экономики. К примеру, в Хмельницком пассажиров перевозит «Народавтотранс», функционирует «народный» цех по переработке вторсырья, имеются «народные» кафе, юристы, стоматологи, дизайнеры, а в пригороде существуют «народные» фермеры. Разрешение на работу им выдает местная территориальная громада. Делается это очень быстро, - не так, как в государственных инстанциях. Громаде они и платят налоги - несколько сот гривен в месяц, что гораздо меньше, чем платили бы государству. Никакой отчетности государственным органам «народные предприятия» не предоставляют, все вопросы решают сами или при помощи местной громады. Кстати, сами громады нередко работают почти без чиновничьего аппарата - на общественных началах.

Как и многие «реальные практики», от политических партий и религиозных объединений активисты громад и руководители «народных предприятий» держатся подальше. Они не ставят перед собой задачу изменить все общество, речь идет «лишь» о решении собственных финансовых проблем…

На новое явление в экономике украинские чиновники и силовики пока смотрят безразлично. Во-первых, его масштаб еще невелик. В Хмельницкой области вокруг громад объединилось около 1000 предпринимателей и наемных работников. Примерно столько же во Львовской и Тернопольской областях. Во-вторых, сейчас у госструктур есть дела поважней, ведь смена власти в Киеве сопровождается как войной и политическими потрясениями, так и переделом собственности. Но несложно предвидеть, что если «народные предприятия» получат заметное распространение, ситуация изменится. Какое государство станет терпеть, чтобы «его» налоги получал кто-то другой? Да и возможность вымогать взятки с предприятий и предпринимателей дорогого стоит. А эта возможность реализуется лишь при условии зависимости предпринимателей от чиновников. Впрочем, есть сведения, что Служба безопасности Украины уже заинтересовалась новшеством…

Судя по всему, большая часть «народных предприятий» даже не дотягивает до настоящих кооперативов с самоуправляющимися трудовыми коллективами. Дело ограничивается мелким предпринимательством либо созданием предприятий, где сохранены отношения наемного труда. Не вполне ясно, как, скажем, в кафе контролируется качество пищи или как на транспортных предприятиях обеспечивается безопасность пассажирских перевозок: как налажен предрейсовый техосмотр автобусов и медосмотр водителей. Но, несмотря на все проблемы, история с «народными предприятиями» доказывает, что даже посреди диковатого капитализма, такого как на Украине или в России, у тружеников есть стремление к самоуправлению. А ведь именно на нем, в конечном счете, основан коммунизм. Левым на Украине остаются «мелочи» - сформировать политическую силу, которая объединит «народные предприятия» в единую производственно-потребительскую сеть и перенаправит их от мелкобуржуазного предпринимательства в русло рабочей кооперации.

ОБЛОМ

ПОЛНЫЙ НОЛЬ

В Европе получил распространение «нулевой рабочий контракт» - одна из форм негарантированной занятости. По такому контракту человека могут вызвать на работу в любой момент, а могут не вызвать вообще. В последнем случае, о зарплате речи нет.

«Нулевые» контракты бывают разные. В одном случае работник может не приходить по вызову, если в данный момент ему есть чем заняться. В других - он обязан являться всегда. Предприниматели поясняют, что «нулевой контракт» позволяет маневрировать рабочей силой в зависимости от изменений рыночной конъюнктуры. Власти многих стран прореагировали на новый вид «занятости» разъяснением работникам их формальных прав в данной ситуации. Профсоюзы выступили с критикой нововведения, отметив, что такие контракты плохо влияют на личную жизнь работников...

Очевидно, что введение «нулевых контрактов» означает очередной шаг к ликвидации пресловутой «социальной рыночной экономики», уменьшает права и гарантии наемных работников. Между тем, в данном направлении Европа и так делает шаг за шагом, что неизбежно приводит к обострению социально-классовых конфликтов и массовым акциям протеста. Ведь, в отличие от жителей СНГ, трудящиеся европейцы не привыкли терпеть ущемление своих прав. Впрочем, пока массовые, зачастую весьма жесткие протесты мало что меняют. Капитализм, как общественный строй, даже в своей глобалистской стадии исчерпывает отведенное ему историей время. Поэтому попытки правых и «левых» правительств, под давлением масс, решить нарастающие проблемы путем мелких реформ не дают серьезных результатов.

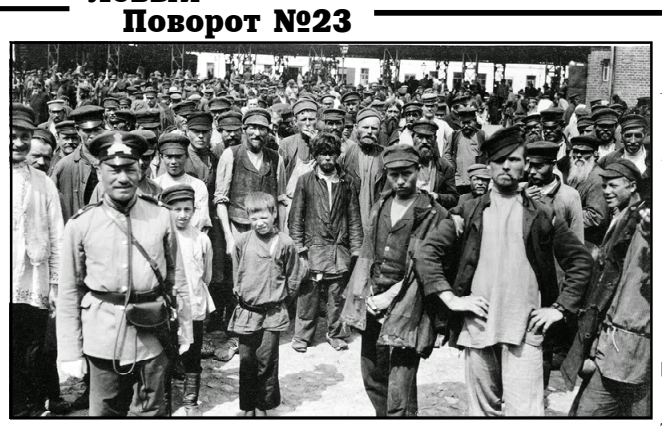
С другой стороны, даже в таком развитом капитализме, как европейский, пока нет значимой общественной силы, которая искала бы решение проблемы там, где оно только и может быть - за рамками товарно-денежного хозяйства. Хотя именно в Европе коммунистические - коммунарско-кооперативные и т.п. экономически устраняющие пролетариат проекты получили наибольшее распространение. Сейчас важно вывести эти начинания с маргинального уровня на большую историческую сцену. Пока этого не произошло, работник все больше будет становится «полным нулем» при любом виде капиталистического найма.

МАРКСИЗМ В ИНТЕРНЕТЕ:
HTTP://MARXIST-LABOUR-PARTY.NAROD.RU/

КАК ЭТО БЫЛО?

Из книги депутата 4-й Госдумы, большевика, участника Октябрьской революции **Алексея Бадаева**

"Большевики в Государственной Думе"



СТАЧКА НА ЗАВОДЕ «НОВЫЙ ЛЕССНЕР»

В предвоенные годы мы были свидетелями многочисленных случаев, показывавших огромную сплоченность, силу и организованность питерских рабочих. Но даже на этом фоне напряженной и героической борьбы выделяется забастовка на заводе «Новый Лесснер», тянувшаяся все летние месяцы 1913 г. И по тому поводу, который ее вызвал, и по своей длительности, и, наконец, по вызванной ею огромной волне солидарности среди самых широких рабочих масс забастовка у Лесснера является одним из самых ярких и сильных эпизодов рабочего движения предвоенных лет.

Стачка новолесснеровцев не может быть причислена ни к чисто политическим, ни к чисто экономическим, но возникнуть она могла лишь на волне того большого революционного подъема, который переживал рабочий класс в этот период своего развития. Единственное и на первый взгляд, казалось бы, незначительное требование рабочих - удалить мастера, виновного в гибели одного из их товарищей, - превратилось в упорнейшую борьбу, которая могла развернуться лишь в общей обстановке открытых боев рабочего класса с классом капиталистов.

Забастовка на заводе «Новый Лесснер» произошла при следующих обстоятельствах. Мастер механической мастерской завода Лауль дал рабочему Стронгину несколько сот гаек для нарезки. Во время работы часть гаек пропала - не то они были случайно выброшены в мусор, не то отнесены по ошибке в другую мастерскую. Стронгин сообщил об этом мастеру, который накинулся на него с ругательствами и потребовал в течение двух дней вернуть пропавшие гайки: «Иначе выгоню с завода с пометкой - за воровство». Найти гайки или доказать, что они не украдены им, Стронгин не мог. Угроза мастера и перспектива уйти с завода с клеймом вора казалась для него несчастьем, которое он не сможет перенести. Попросив разрешения остаться на ночную работу, Стронгин ночью прошел в глухую часть завода и, укрепив веревку в пролете лестницы между двух этажей, повесился.

Утром 23 апреля труп Стронгина был найден сторожами. Когда об этом узнали в мастерских, все рабочие завода бросили работу и собрались около трупа. Администрации рабочие предложили немедленно начать расследование. Вместо этого администрация послала за полицией, в присутствии которой труп Стронгина был обыскан. В одном из его карманов было найдено письмо. Заведующий, просмотрев письмо, попытался его спрятать, но по требованию рабочих оно было тут же прочитано вслух. Письмо было адресовано товарищам по заводу: «Товарищи, не знаю, писать ли вам. Напишу... Мастер обвиняет меня в воровстве. И вот, прежде чем покончить расчеты с жизнью, говорю вам, товарищи: я не виновен; об этом говорит вам моя совесть, мое сердце, моя рабочая честность, но доказать этого я не могу. Уйти же с завода с клеймом вора, поставленным мне мастером, я не в силах. И вот я решил покончить с собой... Прощайте, дорогие товарищи, и помните - я не виновен. Яков Стронгин».

Потрясенная предсмертными словами затравленного администрацией товарища, толпа несколько минут стояла в глубоком оцепенении. «Товарищи, снимайте шапки!» - раздались голоса. Хором пропели «вечную память». Убийца Стронгина мастер Лауль был встречен криками: «Иуда! Предатель! Иди, палач, за гробом и больше на завод не возвращайся!» Все рабочие завода проводили тело Стронгина до клиники.

На следующий день, придя на работу, рабочие застали виновника смерти Стронгина на заводе. Администрация заявила, что правление заводов Лесснера отказалось выполнить требование рабочих об увольнении Лауля, считая его невиновным. На общезаводском собрании рабочие решили продолжать забастовку до тех пор, пока с завода не будет убран убийца. Завод встал. Все рабочие завода «Новый Лесснер», свыше тысячи человек, разошлись по домам, твердо решив выйти на работу лишь после удовлетворения их требования.

ПОХОРОНЫ РАБОЧЕГО СТРОНГИНА

Похороны Стронгина превратились во внушительную демонстрацию. Полиция и заводская администрация, как всегда в таких случаях, приняли все меры, чтобы помешать участию в похоронах большого количества рабочих. День и час похорон скрывались до последнего момента. Лишь накануне, поздно вечером, о часе и месте похорон стало известно в редакции «Правды». В готовый уже набор на первой странице было вставлено траурное объявление. Но газета не могла попасть рабочим в руки до гудка. Поэтому о назначенных в 9 часов утра похоронах из «Правды» узнали только отдельные рабочие. И все же к моменту выноса тела к клинике собралось свыше тысячи человек. Новолесснеровцы были в полном составе, были представители и других заводов. Наскоро приобрели венки, но так как напечатать надписи на лентах не было времени, то на черных лентах тут же сделали надписи мелом, а на белых - углем. Несколько лент полиция срезала за революционные надписи. С пением «вечной памяти» тысячная толпа проводила тело Стронгина до ворот кладбища, где шествие было встречено конной полицией, которая пропустила на кладбище только гроб и нескольких ближайших родственников покойного.

(...) Борьба новолесснеровцев, требовавших наказания верного слуги заводской администрации, виновного в самоубийстве рабочего, стала принципиальным делом всего питерского пролетариата. Этим объясняется та массовая и дружная поддержка, которую получили новолесснеровцы и которая позволила им провести исключительную по упорству и длительности забастовку.

Но и для владельцев завода вопрос об увольнении мастера стал вопросом принципа. Уступить этому по существу незначительному требованию означало для администрации проявить слабость и открыть рабочим путь для новых атак и штурмов. Вопрос об удалении с завода Лауля только прикрывал глубочайшую и ожесточеннейшую борьбу между трудом и капиталом. В ответ на забастовку администрация объявила о закрытии завода и массовом расчете всех рабочих. Одновременно с этим в «Копейке» и других буржуазных газетах появились штрейкбрехерские объявления о новом наборе рабочих на завод. Но бастующие держались дружно, штрейкбрехеров среди них не было, и никто из бастовавших не откликнулся на это объявление.

Новолесснеровцы проявили исключительную организованность. Понимая, что без поддержки всей остальной массы рабочих им долго не выдержать, они с первых же дней обратились с призывом к рабочим других заводов помочь им в борьбе.

РАБОЧАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

На помощь своим товарищам вскоре выступили рабочие другого лесснеровского завода - «Старый Лесснер» (теперь механический завод имени Карла Маркса), где с 13 мая забастовало свыше 600 человек, предъявивших те же требования: 1) уволить Лауля; 2) принять всех старых рабочих без медицинского осмотра; 3) за стачку никто не должен пострадать; 4) за время стачки уплатить всем поденное жалованье. Три последних требования были обычными при всех забастовках и локаутах. Требование о приеме старых рабочих без медицинского осмотра выставлялось всегда стачечниками для того, чтобы не дать возможности администрации под видом медицинского осмотра увольнять членов профессионального союза и других «неблагонамеренных» рабочих.

Таким образом, теперь уже стояли оба завода Лесснера. Администрация не только лишилась возможности под видом приема на «Старый Лесснер» набирать рабочих для «Нового Лесснера», но и не могла больше, хотя бы частично, выполнять те срочные заказы, которые у нее были. Так как невыполнение заказов было обычно обусловлено всякого рода неустойками, то это грозило владельцам заводов крупными убытками.

Тогда администрация начала раздавать свои заказы другим фабрикам и заводам, отправляя туда свои модели, неоконченные изделия и чертежи. Но какой бы тайной ни был окружен этот новый обходный путь борьбы заводской администрации, лесснеровцы быстро узнали о нем. Они обратились ко всем питерским металлистам с призывом бойкотировать заказы Лесснера. Рабочие всех фабрик и заводов дружно откликнулись на этот призыв. Переданные от Лесснера заказы лежали без всякого движения: ни одна рука не притрагивалась к ним.

1929 г.

КУЛЬТПРОСВЕТ

КРАТКИЙ ОЧЕРК О РЕВОЛЮЦИИ

Редакция ЛП предлагает вниманию читателей книгу В. Невского «История РКП(б). Краткий очерк». Книга впервые была напечатана в 1925 году в СССР. Нынешнее издание осуществил левый центр «Новый Прометей».

«Краткий очерк» - это почти 750 страниц. Повествование охватывает период со второй половины XIX века до Великого Октября. В книге много фотографий, есть объемистый библиографический справочник.

Автор «Очерка» Владимир Невский (Ф. И. Кривобоков) - большевик, профессиональный революционер, участник Октябрьской революции. Какое-то время он принадлежал к рабочей оппозиции. Как и многие старые большевики, в 1937 году был приговорен к «высшей мере»…

По вопросу приобретения книги пишите по адресу редакции:
lp-centerkr@mail.ru

Учредитель: редакция газеты
E-mail редакции:
lp-centerkr@mail.ru и
mlp-sb@mail.ru

Авторские права отменены

Тираж 999 экз.